

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И МОДЕРНИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

А.А. АЛАКАЕВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: bsk@kbsu.ru

Статья посвящена анализу состояния и деятельности верховной власти в России на рубеже XIX-XX вв. Исследуется характер взаимоотношения в политической системе Российской империи элементов традиционализма и модернизма. Особое место уделено рассмотрению системного кризиса российского самодержавия на рубеже XIX-XX вв. Кроме того, подчеркивается, что этот процесс актуализировал множество общественно-политических и социально-экономических проблем и среди них две основополагающие - реформирования власти и формирования гражданского общества. Дана характеристика природы и специфики политической системы Российского самодержавия обозначенного периода.

Ключевые слова: верховная власть, конституционализация, монархическая государственность, российская модернизация, системный кризис, парадигма российской истории.

Великие буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX в. изменили социально-экономический облик Российской империи. Однако политическая система оставалась архаичной, т.е. в слабой степени модернизированной. В связи с этим на первый план выходит проблема реформирования монархической государственности Российской империи на рубеже XIX-XX вв. В это время в России быстрыми темпами шла социально-экономическая модернизация, но на этом общем фоне политическая система по-прежнему основывалась на традиционном принципе правления. «Российская империя управляется на точном основании, от Высочайшей власти исходящих, император есть неограниченный и самодержавный монарх, – гласили русские основные законы» [1]. Россия на рубеже XIX-XX века – это самодержавное государство, во главе которого стоял император Николай II. За плечами этого российского монарха находится традиция почти трехсотлетнего правления дома Романовых [2]. Царю принадлежала вся полнота законодательной и исполнительной власти. Это не означало, что на все существенные вопросы имелись точные ответы в законах, которые подлежали исполнению.

Россия не имела имперских представительных учреждений. Император, говоря словами К.П. Победоносцева, «веровал в непоколебимое значение власти самодержавной в России и не допускал для нее в призраке свободы гибельного смешивания языков и мнений» [3]. Первоначальное определение императорская власть получила в 1716 году в Военном Регламенте Петра Великого, сохранившем силу и в 1900 году. «У Его Величества есть самодержавный монарх, который никому на свете в своих делах ответа дать не должен, по сему и власть имеет и свое Государство, и земли христианский Государь по своей воле и благомнению управлять» [4].

Тем не менее непоколебимо сохранялся самодержавный принцип, и всякое сомнение в нем, проявленное словом или делом, влекло жесточайшее преследование. «Действие по царской прерогативе обусловлено самим существом Верховной власти, вне всего консти-

туционно-условного и может быть названо также действием по царскому естественному праву» [5]. Основными чертами, определяющими организацию верховной власти в России, являются: самодержавие, неограниченность и религиозное освящение власти. Первая черта предполагает самобытность внутреннюю, так сказать, ее независимость, она не комбинируется из каких-либо отдельных элементов (как, например, в конституционной монархии). Но в самой себе, в единоличном ее носителе находит свое полное выражение. «В нашей стране господствует самодержавная политическая культура. Ее ключевая характеристика – властечетричность» [6].

Другой важной чертой является неограниченность, т.е. независимость носителя этой власти от законов, так как он сам является источником, он может изменять или отменять изданные им законы, но это ни в коей мере не означает, что неограниченный монарх может действовать произвольно, вопреки издаваемым им законам. Напротив, российское законодательство достаточно определенно полагает, что все государственное управление должно быть основано на законах. Законы о престолонаследии и об исповедованной православной церкви являются прямо обязательными среди дел государя, хотя обязательность эта не юридическая, а нравственная.

Еще одной чертой служит религиозное освящение власти: идея богоустановленности верховной власти, которая идет еще от первых веков христианства в России. На торжественном приеме депутатов, прибывших с поздравлениями на бракосочетание, 17 февраля 1895 г. Николай II предостерег против бессмысленных мечтаний об участии представителей земства в деле внутреннего сравнения: «Пусть все знают, что я посвящаю все свои мечты и силы благу народному, буду охранять начало самодержавия, так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель» [7]. Наличие огромного числа предложений по усовершенствованию управления страной не влияло на внутренние убеждения монарха. Еще в 1904 году император на телеграмме председателя черниговского губернского земского собрания, ходатайствующего о расширении прав этого собрания, написал: «Нахожу поступок председателя черниговского губернского собрания дерзким и бестактным. Заниматься вопросами государственного правления не дело земских собраний, круг деятельности и прав которых ясно очерчен законами» [8]. Это был ответ нового царя тверскому земству, намекавшему на возможность конституционной перспективы.

Законодательство и решение важнейших вопросов государственного управления – вот два вида непосредственной деятельности монарха. Законодательство в неограниченной монархии принадлежит всецело и нераздельно одному монарху, осуществляющему эту трудную задачу при содействии подчиненных ему органов. Главный из таких органов в России – Государственный Совет [9].

Государственное устройство империи сохраняло множество феодальных пережитков. По-прежнему огромную роль играл императорский двор, который представлял собой сложный, живущий своей собственной жизнью организм. Наряду с императорским «большим» двором существовали «малые» дворы великих князей и княгинь. Придворный мир тесно соприкасался с бюрократической элитой. «К концу XIX в. Россия, как и другие развитые государства мира, вступила в период империализма, но ее государственный строй оставался старым, феодальным» [10]. Так, в 1900 году за одним исключением вотчинные черты российского государства отошли в прошлое. Исключение составляет политическая система. Давая вольную обществу в экономическом, социальном, и культурном плане престол упрямо не допускал его к сфере законодательной и административной. Монарший трон по-прежнему настаивал на том, что обладает исключительным правом на законодательную и исполнительную деятельность, что царь есть монарх, неограниченный и самовластный и что законы должны исходить от него. Отношение официальных властей к обществу и общественности к верховной власти со временем также серьезно изменялось.

Сотрудничеству между верховной властью и общественностью мешало нетерпение интеллигенции, в особенности ее радикального крыла, не умевшего и не желавшего ждать, наивно верившего в то, что только самодержавие сдерживало прогресс в России. «Россия способна жить конституционной жизнью, – писал, например, народник Н. Флеровский в 1897 г., – императоры все время были единственным препятствием к введению усовершенствованного политического порядка». Народу оставался один путь к введению конституционного порядка – повесить императора и изгнать из страны весь царский дом [11]. «Несоответствие российского политического устройства ее экономическим, социальным, культурным и даже административным реальностям расценивалось наиболее образованными кругами России как аномалия ибо, действительно, как примирить высокий уровень промышленности и культуры с политической системой, почитающей своих граждан неспособными к самоуправлению? Почему и сербы, и финны, и турки имеют конституцию и парламент, а русские нет?» [12]. Но те, кто стояли во главе Российской империи с 1894 г., вовсе не считали что политические формы, имевшие место на Западе, были шагом вперед, свидетельством большой зрелости. Они согласились и относились к ним критически по существу. К.П. Победоносцев, яростный противник установления парламентаризма в России, писал: «Больно и горько думать, что в земле русской были и есть люди, мечтавшие о водворении этой лжи» [13].

Власть, обремененная традиционалистской мифологией о своей «особой исторической миссии», «историческом призвании» и уверенная в «богоизбранности», более сорока лет то вела страну из консервативно-патриархального прошлого в капиталистическое будущее, то обратным курсом в столь милое сердцу прошлое и этим заводила ее в конфронтационный тупик. За сорок пореформенных лет Россия в области экономики, социальных, социокультурных и отчасти ментальных отношений превратилась в совершенно другую страну. На этом изменившемся социальном ландшафте анахронизмом стали традиционная идеология верхов и вся политическая система империи Романовых. Асинхронность эволюции власти и общества обуславливала все более углубляющуюся конфликтность между ними.

Системный кризис самодержавия, начавшийся в середине XIX в. и ставший основной проблемой политической истории России, актуализировал множество общественно-политических и социально-экономических проблем и среди них две основополагающие – реформирования власти и формирования гражданского общества [14].

От решения этих проблем зависела судьба российского абсолютизма. Поэтому они и определили парадигму политической истории России во второй половине XIX – начале XX века. Российская монархия на рубеже XIX–XX вв. (одна шестая часть планеты) с ее великими достижениями в науке и технике (открытия в физике, химии, астрономии, обогатившие мировую науку, появление радио), в культуре (величайшие творения в литературе, в искусстве, успехи в области высшего (всесословного) образования и т.д.) с ее огромным промышленным (экономическим) потенциалом наглядно продемонстрировала свою жизненную силу и мощь, пока не столкнулась с проблемами «прозрения» общества. Цивилизационный процесс не мог не затронуть российское общество, внося свои коррективы в отношения общества к власти, оказывая влияние на тонус политической культуры «пробуждающегося» общества, на характер политических событий. «Специфика России обусловила особенности ее модернизации. Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то в нашей стране во многом использовался опыт других держав, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. Инициатором модернизации выступало государство – наиболее активная и сильная общественная структура» [15].

В процессе легитимизации на протяжении веков образ власти претерпел ряд трансформаций, однако сохранил свою сущность. Абсолютная монархия не стремилась подтвер-

ждать моральное право на власть, учитывая политическую «незрелость» общества. Но к началу XX века самодержавный режим вновь стал испытывать «дискомфорт» от отрицательного эффекта, получаемого пренебрежением «к мнению народному». Социальные низы, оглядываясь на «верхи», стремились организовать, чтобы защититься от произвола властей. Цивилизационный процесс, затронувший патриархальную монархию, не мог не отразиться на ее истории в фазе кризиса. В ряду важнейших проблем политической истории и реформизма в России находится «проблема модернизации общества в условиях кризиса патриархальной монархии» [16]. Отсутствие политических свобод, слабость судебной системы, чиновничий произвол - все это не способствовало легализации «новых веяний», экономического плюрализма, расширению зоны свободного предпринимательства, развитию образовательной системы на демократических началах, решению социальных проблем. В обществе усиливались настроения, связанные с переходом от «патриархального» образа жизни к динамичному, «прагматичному». Но возможно ли при старом режиме изменение образа жизни всего общества или смена образа жизни произойдет только при смене режима? Реформа или революция? Неоправданная централизация власти породила кризис доверия самой власти, ее репрессивный характер вызывал волну протеста в демократических кругах российского общества. «Парадокс российской модернизации состоял в том, что самодержавный режим, изменяя окружающую среду, не хотел ничего менять в себе» [17]. Но вместе с тем к началу XX в. в России было много элементов гражданского общества: масса добровольных общественных организаций, включая женские, критически мыслящая общественность, общественное мнение, с которым считалась государственная власть, после 1905 г. - свободная пресса, политические партии и т. п. Пресса начала разнуздываться еще со времени войны; по мере поражений на Востоке пресса все смелела и смелела. В последние же месяцы, еще до 17 октября, она совсем разнузданась, и не только либеральная, но и консервативная. Вся пресса обратилась в революционную в том или другом направлении, но с тождественным мотивом – «долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора» [18].

В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам и контроль за их исполнением в виде законодательных учреждений и прессы. Однако общество не успело этот механизм отладить, чтобы исключить силовое решение конфликтов между ним и государством.

Общественность всегда была в состоянии диалога с верховной властью и с большим или меньшим успехом влияла на его политику. Благодаря этому в целом, хотя и не всегда, правительство проводило сбалансированную политику. В XVIII в. Россия не превратилась наподобие Польши в страну дворянской анархии, в первой половине XIX в. не стала страной, управляемой помещиками-крепостниками, а в пореформенное время не была принесена в жертву интересам дворян и крупной буржуазии. Именно соблюдение высших государственных интересов, которыми руководствовалась верховная власть, обеспечило социальную стабильность, умеренный экономический, культурный и политический прогресс, определенные успехи во внешней политике и долгую жизнь самодержавию. Не только инстинкт самосохранения, но и взаимодействие с обществом позволяли верховной власти следовать этому курсу, так как случавшиеся от него отклонения наказывались и пресекались обществом. Верховной власти принадлежала решающая роль во всех сферах жизни, и долгое время все социальные группы относились к монарху, олицетворявшему в их глазах государство, как к высшему арбитру, как к реальному, законному и единственному источнику льгот и привилегий, прав и обязанностей. И это было не так наивно, как может показаться: в абсолютной монархии один государь является единственным прямым и производным органом государства, и только с учреждением народного представительства личность монарха отделилась от юридической личности государства [19].

С.Ю. Витте убедился в необходимости создания нового имиджа верховного носителя власти. Создавался некий ритуал обращения к царю-батюшке с просьбами, ходатайствами, петициями. Царь все решит или поручит кому-то все исполнить, что является признаком сохранения «отцовской культурной матрицы» [20]. Но правительство сможет исполнить указы, т.е. решить социальные проблемы, если оно при том же полном контроле со стороны царя будет иметь некий статус «юридического лица».

Именно поэтому принципы модернизации власти и общества стали приоритетами политических сил и потому их позиции могли быть диаметрально противоположными, что и выявилось впоследствии. Следует отметить, что либеральная интеллигенция, участвуя в общественно-политической жизни страны, выступала за конструктивный диалог с властью в мирное время, хотя и это было для нее «слишком», ибо высшая деловая элита могла удовлетвориться «смягчением» режима власти, боясь потерять обретенное и достигнутое. Но ситуация осложнялась тем, что самодержавие еще не было готово «признать свое отцовство» в отношении к буржуазии. Однако монархия вынуждена была считаться, что буржуазия задает тон в экономической жизни страны. Режим пытался «держать на привязи дойных коров», но это было чревато тяжелыми последствиями. И «обижать» ее - это «обижать» самого себя. Об этом свидетельствует и царский указ о децентрализации местной власти, появившийся в феврале 1903 г. Политический реформизм Николая II - ограниченного толка, но, хотя и не явился определяющим фактором его правления, стал своеобразным инструментом вывода монархической системы из кризиса. Реформы С.Ю. Витте направлены на внедрение западных стандартов в российскую действительность, на дальнейшую капитализацию экономики, на создание большой прослойки социально активных людей. Речь не шла о создании новой социальной опоры, но то, что прослойка предпринимателей будет лояльна к режиму, становилось очевидным. Консервативность Николая II, его неумение поспевать за событиями настораживали политическую элиту. Напомним, как реагировал царь на возможность встречи с представителями земств. Все это усиливало опасность «дистанцирования режима от общества при традиционной неограниченности власти монарха» [21]. В подобном случае подавление воли масс неизбежно означало кризис власти.

Нерешенные политические и социально-экономические проблемы выходили на первые позиции в повестке дня. Следовательно, неудачные попытки их решения политическая элита ставила в вину царю. И вновь возникла проблема минимизации зависимости политической элиты от воли слабовольного императора. Решили придать серьезности негласному совету из очень узкого круга сановников. Усиление Госсовета, контролируемого царем, не входило в планы ревнителей империи. Проблема признания «отцовства» самодержавия «нелюбимых детей» (буржуазия, пролетариат, разночинская интеллигенция) стала ключевой на рубеже XIX-XX вв. Напряженность, конфликтность во взаимоотношениях монархии и буржуазии с пролетариатом определили парадигму российской истории на рубеже XIX-XX вв.

Отсутствие конструктивного сотрудничества предопределило кризис власти. Новые классы (буржуазия, пролетариат) требовали от самодержавия признания «дочерью» и «сыном», но монархия не была готова к этому [22]. Тогда новые классы склонялись к отрицанию монархии, что исключало политический диалог, открывая дорогу к прямой конфронтации. В руках царя была многомиллионная армия, охранка, суды, которые могут быть в любой момент обрушены на общество. Концентрация власти, необходимая для мобилизации общества перед внешней угрозой и для выполнения общегосударственных задач, в XIX в. привела к ее перерождению, что заставило общество пойти на конфронтацию с ней. Затяжной характер системного кризиса поставил вопрос о необходимости «реформы политической системы», который не был неожиданным и для императо-

ра, и для расколотой правящей элиты. Формировалась проблема стратегии и тактики реформирования: от частного к целому или от целого к частному? [23]. Таким образом, самодержавный режим попал в трудное, но не катастрофическое положение. В конечном итоге процесс приспособления старого строя к новым условиям становится определяющим в политическом развитии страны. Выражением этого является усиливающаяся роль элементов модернизма во всех сферах общественной жизни России на рубеже XIX-XX вв., которая непосредственно затрагивает существующую систему монархической государственности. Хотя обозначенная тенденция прежде всего игнорировалась верховной властью до определенного времени, а также препятствовала переходу к новым политическим реалиям. Тем не менее противоречивое сочетание элементов традиционализма и модернизма в деятельности верховной власти России способствовало еще большему усложнению проводимой внутренней политики.

Иными словами, само российское общество переживало социально-экономическую модернизацию, что невозможно сказать о политической системе России. Таким образом, она характеризовалась архаичностью и несоответствием состоянию развития общества, типу экономики. Самодержавная неограниченная монархия тяготела к традиционной экономической системе, которая постепенно становится рыночной. В связи с этим политическая система характеризовалась высокой степенью централизации, поэтому сложившаяся общественно-политическая ситуация в России на рубеже XIX-XX вв. требовала конституционализации правления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. 13 с.
2. *Рыбка О.Ю.* Государственная Дума в системе власти России начала XX века. Диссертация... доктора исторических наук. М., 2001. 49 с.
3. *Ольденбург С.С.* Указ. соч. 20 с.
4. *Пайтс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. 6 с.
5. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. 505 с.
6. *Пивоваров Ю.С.* Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // № 1. Полис. 2006. 15 с.
7. *Ананьич Б.В.* Николай II // Вопросы истории. 1993, № 2. 60 с.
8. Цит. по: Суворин А.С. Дневник. М., 1992. 395 с.
9. Устройство Государства Российского / Сост. Н.П. Ковалев. Л., 1991. 8 с.
10. *Пайтс Р.* Указ. соч. 7 с.
11. *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха. М., 1975. 6 с.
12. Цит по: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. М., 1999. 258 с.
13. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени // № 4. Родина, 1993. 70 с.
14. *Миронов Б.Н.* Развитие гражданского общества в России в XIX - начале XX века // № 1. Общественные науки и современность, 2009. 124 с.
15. Опыт российских модернизаций XVIII-XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М., 2000. 53 с.
16. *Тян В.В.* Эволюция верховной власти в России на рубеже XIX-XX веков. М., 2004. 7 с.
17. *Волобуев О.В., Шелохаев В.В.* «Великие потрясения» 1905-1907 годов в контексте российской модернизации // Свободная мысль. 2005. № 1. 179 с.
18. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. 647 с.
19. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 2. М., 1999. 264 с.

20. Ахиезер А.С. История России: конец или новое начало? М., 2008. 255 с.
21. Там же. 258 с.
22. Тяп В.В. Указ. соч. 8 с.
23. Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Полис. 2006, № 2. 88 с.

THE RELATION OF TRADITIONALISM AND MODERNISM ELEMENTS IN RUSSIAN SUPREME POWER ACTIVITY AT THE TURN OF XIX-XX CENTURES

A.A. ALAKAEV

Kabardin-Balkar State University named after H.M. Berbekov
360004, Nalchik, 173, Chernyshevsky street
E-mail: bsk@kbsu.ru

The article is devoted to analyzing of condition and activity of Supreme power in Russia at the turn of 19th –20th centuries. The character of relationship between traditionalism and modernism in Russian politic system is investigated. The main place is devoted to study the system crisis of Russian autocracy during that period. Besides, this process activated many social and political problems. Two main ones: power reformation and formation of the civil society. Characteristics of nature and specificity of political system of Russia autocracy at that time is presented.

Key words: supreme power, constitutionalism, monarchic state system, Russian modernization, system crisis, paradigm of Russian history.

Работа поступила 27. 10. 2010 г.